

² ЦАМО Ф 1267, оп. 1, д. 25, отчет о боевых действиях 11—20 июля

³ Там же Ф 52 гв. сд 1943, оп. 1, д. 41, Л. 49

⁴ Там же Ф 332, оп. 4948, д. 5 Л. 24—27

⁵ Ротмистров П. А. Стальная гвардия. С. 199

⁶ От Волги до Эльбы и Праги. С. 61.

⁷ Стадлер С. Указ соч. С. 114

⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 321—322

⁹ ЦАМО Ф 48-а, оп. 1691, д. 233, Л. 345—347.

¹⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 54.

¹¹ ЦАМО Ф 328, оп. 4852, д. 43, Л. 78.

¹² Там же Ф 48-а, оп. 1691, д. 233, Л. 345—347

¹³ Жалов А. С. Указ соч. С. 96

У. ПРОХОРОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ: ИТОГИ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

(схема 9)

«Главным итогом оборонительного сражения следует, на мой взгляд, считать, — писал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного танкового сражения южнее Прохоровки в 30 км от Белгорода»¹.

Безусловно, мы выиграли под Прохоровкой, не позволив противнику проваться на оперативный простор, заставили его отказаться от своих далеко идущих планов и вынудили отойти в исходное положение. Наши войска выстояли в четырехдневном ожесточенном сражении, а противник утратил свои наступательные возможности. Но и Воронежский фронт исчерпал свои силы, что не позволило ему сразу же перейти в контрнаступление. Сложилась, образно говоря, татовая ситуация, когда командование той и другой стороны еще хотят, а войска уже не могут!

Иными словами, ни группа армий "Юг", ни Воронежский фронт не добились решительной победы в битве на южном фесе Курской дуги. Закономерен вопрос: почему? В чем причина полнейшей неудачи противника и, так сказать, половинчатость успеха наших войск?

Победа или поражение в бою, сражении, да и в войне в целом обусловлены действием объективных законов, присущих вооруженной борьбе. Но объективные законы войны, как и другие законы жизни и развития человеческого общества, действуют не сами по себе, не автоматически, а опосредованно через практику людей, через осознанные действия лидеров — командующих, ко-

Представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генерал А. Н. Богданов, командующий Воронежским фронтом, генерал армии П. Ф. Захаркин у оперативной карты

Непосредственные руководители Прохоровского сражения командующий 5 гв. П. А. Ротмистров (на снимке ^{справа}) и командующий 5 гв. А. А. С. Жалов

В. А. Олейников с председателем колхоза "Красное знамя" в селе Прелестьном (июль 1993 года)

Участком в селе встречают ветеранов в селе Прелестьном

мандиров, начальников, принимающих решения, и исполнителей, реализующих замыслы и планы операций, сражений и боя.

Учет соотношения сил своих и противника, не только количественного, но и качественного, морально-психологического состояния и уровня профессионализма сражающихся и других факторов позволяет военному командованию определить возможное и невозможное в ходе операции (сражения, боя), предвидеть вероятные действия противной стороны, избрать наиболее эффективные способы и формы борьбы, применяя их творчески в зависимости от складывающейся обстановки. И наоборот, игнорирование объективной действительности неминуемо ведет к просчетам, неоправданным потерям и жертвам, проигрышу сражения или даже к поражению.

Достижение победы обусловлено соответствием целей, замыслов и планов реальным возможностям, которыми располагают противники. Поэтому в военном деле столь велика роль субъективного фактора — личных качеств командующего (командира) и подготовленности его штаба как органа управления.

Объективно немцы не имели реальной возможности добиться решительной победы в Курской битве по целому ряду причин, в основном выходящих за пределы нашей темы. Мы же коснемся только тех, которые, как говорится, лежат на поверхности. Прежде всего это соотношение сил и средств. Центральный и Воронежский фронты превосходили группы "Центр" и "Юг" [по подсчету автора]:

— по количеству людей	— в 1,5 раза;
— по артиллерии и минометам всех калибров	— в 2 раза;
— по боевым самолетам	— в 1,2 раза;
— по танкам и штурмовикам (САУ)	— в 1,3 раза.

С учетом же войск стратегического резерва — Степного фронта — превосходство наших войск было подавляющим.

Только по танкам наше превосходство в количественном отношении — 1700 у немцев и 3600 на Центральном и Воронежском фронтах — не отражало реального соотношения боевых возможностей сторон. С учетом качественных показателей бронетанковой техники преимущество было на стороне противника. Это требовало применения таких способов борьбы, которые бы компенсировали нашим войскам меньшие огневые возможности танкового оружия и бронезащищенность основной массы наших танков по сравнению с новыми образцами немецких боевых машин "Тигр", "Пантера", "Фердинанд", да и модернизированные Т-IV и штурмовые орудия обладали сравнительно высокими боевыми возможностями.

Количество и качество вооружения и техники — это один из факторов, во многом определяющий победителя и побежденного в вооруженной борьбе. Но есть и другой, не менее важный — морально-волевой, основанный на уверен-

ности в правоте целей борьбы, на преданности идеалам этой борьбы, на боевом опыте и высоком мастерстве, на готовности, наконец, жизнь отдать, но не уступить врагу

По всем формальным признакам немецкие войска были обречены на поражение в Курской битве. Они были обречены, еще не начав свое летнее наступление. И все же противнику удалось в ходе семидневных боев вклиниться в оборону Центрального фронта на глубину 10—12 километров, а на Воронежском — до 40, хотя соотношение сил на том и другом направлениях ударов противника было примерно одинаковым.

Более того, с вводом в сражение двух полнокровных — общевойсковой и танковой — гвардейских армий из стратегического резерва на южном фланге Курского выступа соотношение сил значительно изменилось в пользу Воронежского фронта. Однако он смог перейти в контрнаступление только 3 августа, начав Белгород-Харьковскую наступательную операцию. Хотя противник был остановлен к 16 июля.

Не исключаю, что могут последовать возражения, что, мол, контрнаступление Воронежского фронта началось 18 июля. К сожалению, но последовавшие действия армий с 18.07.43 года были мало похожи на контрнаступление.

16 июля 4-я танковая армия немцев начала отвод своих войск. А армии в это время по категорическому приказу командующего фронтом переходили к "упорной обороне". И только 18 июля, после того как был обнаружен отход немцев, войска фронта перешли к преследованию, точнее, — к продвижению за отходящим и огрызавшимся противником. "За 18 июля армиям П. А. Ротмистрова и А. С. Жадова удалось оттеснить его [противника] всего на 4—5 километров"².

В данном конкретном случае мы имеем типичный пример влияния субъективного фактора — искусства командования противоборствующих сторон — на ход и исход сражения.

"Из анализа действий противника чувствовалось, что в районе Белгорода его войсками руководят более инициативные и опытные генералы. Это действительно было так. Во главе группировки стоял генерал-фельдмаршал Манштейн", — писал Г. К. Жуков в своей работе "Разгром фашистских войск на Курской дуге"³.

По аналогии следовало бы сказать, что Центральный фронт действовал более успешно, так как его возглавлял генерал армии К. К. Рокоссовский. А Воронежский, под руководством Н. Ф. Ватутина, Н. С. Хрущева и С. П. Иванова, несмотря на имевшиеся объективные возможности, не смог их реализовать в полной мере.

Деятельность Военного совета Воронежского фронта оценивалась далеко не однозначно, в ряде случаев негативно. Не случайно Георгий Константино-

вич отмечал, что "критика командующего Воронежским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина построена без знания дела". Но при всем моем уважении к Г. К. Жукову, к его выдающимся способностям и авторитетности мнения, нельзя согласиться с преуменьшением роли просчетов командования фронта, приведших к критической обстановке на южном фланге Курской дуги.

Понимаю, что мне могут возразить: нужно ли касаться деятельности фронта и лично командующего, рассматривая только часть фронтовой оборонительной операции. Безусловно, Прохоровское сражение было частью крупной по масштабам и значению операции Воронежского фронта, но частью решающей — алогеем всего первого этапа Курской битвы! И, не касаясь роли главного действующего лица и его штаба, невозможно было бы установить причинно-следственные связи развязавшихся событий 9—16 июля 1943 года севернее Белгорода.

При всех бравурно-патетических воспоминаниях и описаниях сражения под Прохоровкой, которых не удалось избежать и П. А. Ротмистрову, даже у него спустя целых 23 года прозвучал риторический вопрос: "Что же действительно произошло 12 июля 1943 года в районе Прохоровки?" Подводя итог, он констатировал: "Вместе с тем следует заметить, что 5-я гвардейская танковая армия, перед которой была поставлена задача — выйти 12 июля в район Яковлево, Покровка, этой задачи не выполнила. Причин к тому было не мало"⁴.

К таким причинам он отнес:

- а) "превосходство противника в силах над первым эшелоном 5-й гвардейской танковой армии на главном направлении" [?];
- б) "отход впереди действующих войск и утрата 11 июля рубежей развертывания армии, что сорвало результаты двухдневной напряженной организаторской работы";
- в) "отсутствие у командующего армией в разгар сражения резерва сил и средств для развития достигнутого успеха на направлении главного удара";
- г) "недостаточное артиллерийское и авиационное обеспечение контрудара танковой армии".

Можно согласиться с Павлом Алексеевичем, что это были веские причины для его войск, не позволившие "выполнить поставленные задачи". Но они явились следствием просчетов и неадекватных решений прежде всего фронта, да командования танковой армии на 10 июля 1943 года.

Во-первых, следует признать, что решение на использование стратегических резервов, передаваемых в состав Воронежского фронта, было спонтанным, не имело четкого замысла и конкретных задач армиям. Отсюда недоумение А. С. Жадова по поводу участия армии в контрударе фронта якобы намечавшегося с началом выдвижения в район Прохоровки. Видимо, эта неопределенность сказалась в некоторой половинчатости решений и действий

П. А. Ротмистрова, о чем мы говорили, знакомясь с задачами корпусов 5-й гвардейской танковой армии.

Ставя задачи прибывшим армиям, командующий и штаб фронта нелоценнили возможности противника, не смогли правильно определить характер его действий и вероятное развитие обстановки в ближайшие двое-трое суток. Только этим можно объяснить решение Ватутина о перегруппировке 10-го и 5-го гвардейских танковых корпусов из-под Прохоровки прямо в канун мощного удара 2-го танкового корпуса СС. А ведь именно здесь было к этому времени самое уязвимое место в оборонительном построении фронта.

Что послужило основанием для такого решения, сейчас судить сложно. То ли угроза прорыва на обояньском направлении, то ли опасение удара по КП фронта, о чем упоминал П. А. Ротмистров в своей работе "Стальная гвардия": "Н. Ф. Ватулин выразил опасение, что немецкие танки могут прорваться к Обояни, и был приятно удивлен, когда я по своей инициативе предложил прикрыть его КП частью сил своего резерва"⁵.

Ясно одно — это значительно обострило обстановку на решающем прохоровском направлении и осложнило условия ввода в сражение стратегических резервов — двух 5-х гвардейских армий.

Снимая эти корпуса, штаб фронта не сумел убедить командующего и Военный совет обоснованными расчетами того, что это осложнит обстановку на самом угрожающем направлении. Этим решением они оставили армию Жалова без усиления танками и вынудили дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса вступить во встречный бой с танковыми дивизиями СС "МГ" и "АГ" вместо организованного занятия рубежей обороны, отражения удара 2 тк СС и надежного обеспечения ввода в сражение 5-й гвардейской танковой армии.

Целый день 10 июля непосредственное направление на Прохоровку, фактически последний рубеж обороны, удерживал 285-й стрелковый полк 183 сд на широком — двенадцатикилометровом фронте с частью сил 2-го танкового корпуса 69-й армии. Они один на один сражались с танковой дивизией СС "Адольф Гитлер". Но ни фронт, ни Ротмистров не приняли мер к надежному удержанию рубежа обороны. Попытка уплотнить боевые порядки 183-й стрелкового дивизиона на правом фланге 8—9 июля перегруппировкой 285-го и 227-го стрелковых полков, а также и 2-го танкового корпуса, проблемы не решила, так как проводилась с большим опозданием, притом тогда, когда противник уже перешел в атаку. Поэтому потеря намеченных рубежей развертывания танковой армии и срыв "двухдневной напряженной организаторской работы" явились следствием неадекватности действий как фронта, так и танковой армии, а не "провинностью" насмерть сражавшихся воинов 183-й стрелковой, а затем и дивизий 5-й гвардейской армии.

Выдвижение и ввод в сражение обеих армий проходили с существенными недостатками. Штабы и войска в ходе выдвижения не имели достоверных данных о противнике и складывающейся обстановке. Информация сверху и от войск, действовавших впереди, была недостаточной и недостоверной.

"Армия вводилась в бой, — писал впоследствии Жалов, — а мы слабо знали обстановку, которая была на этом участке крайне сложной и напряженной. Информация штаба армии о действиях противника и своих войсках фронтовым командованием была нерегулярной". "Такая информация была жизненно необходимой, так как враг еще рвался вперед"⁶.

Ротмистров также констатировал, что "не имея полных данных о группировке противостоящего противника и его намерениях, утром 12 июля войска Воронежского фронта начали контрудар"⁷.

В результате встреча обеих объединений с противником произошла совсем не так, как предполагали и планировали штабы фронта и армий.

Во-вторых, решение командующего Воронежским фронтом, принятое в ночь на 11 июля, "о целесообразности перехода частью сил фронта в контрнаступление, чтобы окружить и разгромить основную немецкую группировку, движущуюся к Обояни и Прохоровке"⁸, мягко говоря, не соответствовало реальной обстановке (см. схему 5).

Военный совет фронта принял желаемое за действительное. "В ночь на 11 июля" он доложил в Ставку Верховного Главнокомандования, что "в шестидневных боях на обояньском направлении противник понес огромные потери и не имеет резервов". В этом Военный совет был прав. А следующий вывод: "Поэтому ударную группировку на прохоровском направлении он сосредоточивает за счет ослабления флангов"⁹ был ошибочным.

На основании этого необоснованного вывода принимается решение о нанесении контрудара силами пяти армий. Однако при оценке противника и его вероятных действий были допущены серьезные просчеты. Об этом мы говорили в ходе всего очерка. Все контрудары наносились в лоб ударным группировкам, а не по "ослабленным флангам" противника. При этом ни на одном из направлений контрудара не было создано превосходство, не говоря уж о "решительном" над противником в силах и средствах. К тому же и момент нанесения контрудара был выбран неудачно, так как противник еще не утратил своей наступательной мощи.

Поэтому ввод в сражение стратегических резервов — двух свежих армий, притом одной танковой — привел только к срыву удара противника, а не к его разгрому, как это планировал Военный совет Воронежского фронта. Для достижения такой решительной цели у фронта ни сил, ни средств не осталось.

Справедливости ради следует отметить, что решения командования и штабов отличались какой-то скоропалительностью, сиюминутностью, отсутствием

выгляда вперед и чувства перспективы. Когда обстановка требовала ужесточить оборону 11—12 июля, чтобы измотать ударную группировку противника, максимально выбить его танки огнем с места и окончательно лишить его превосходства в этом компоненте ударной мощи, принимается решение и **поспешно** организуется контрудар, притом по самым сильным элементам оперативного построения группы армий "ЮГ". И наоборот, 16 июля, когда противник утратил наступательный порыв, понеся большие потери, и стал переходить к обороне по всему фронту вклинения, готовясь начать отвод своих сил, командующий фронтом отдает приказ о переходе к "упорной обороне, для того чтобы окончательно [!] истощить силы наступающего противника"¹⁰.

В-третьих, ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии — главной ударной силы фронта на данном этапе оборонительной операции — планировался и был осуществлен в лоб мощной танковой группировке противника (см. схему 9), состоявшей из отборных дивизий СС, вооруженных новейшей бронетанковой техникой, обладавшей более мощным танковым вооружением и броневой защитой по сравнению с нашим основным танком Т-34 (таблица 2).

О преимуществе новых танков противника над нашим основным — Т-34 командование фронтом знало и, несмотря на это, решило "противопоставить немецким танковым дивизиям нашу танковую гвардию — нанести контрудар противнику пятой гвардейской танковой армией". "Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж", — сказал командующий фронтом", — писал впоследствии П. А. Ротмистров в своей работе "Стальная гвардия" (С. 180).

Это ставило наших танкистов в невыгодные условия при ведении боя на открытой местности и на предельных дальностях действительного огня. Еще сложнее было вести борьбу с "Тиграми" и "Пауэрами" нашим легким танком Т-70, которых в 5 гв. ТА было 261 машина. Они просто становились легкой добычей этих "зверей". Кстати, я сам командовал в то время взводом таких танков, так что их возможности знаю не понаслышке.

Если по количественному показателю 5-я гвардейская танковая армия несколько превосходила 2-й танковый корпус СС, в соотношении 1,2:1 (таблица 3), то с учетом качественных коэффициентов превосходство было на стороне противника — 1:1,24. Следствием такого преимущества большей дальности прямого выстрела по танку и более высокой начальной скорости снаряда, соответственно и большей бронепробиваемости на предельных дальностях, более мощного бронирования — стали большие потери наших танков. На поле боя под Прохоровкой, по личному впечатлению, на один пораженный немецкий танк приходилось два-три наших, особенно много было потеряно легких Т-70.

Достоверных данных о потерях противника в боях 10—12 июля нет. Те, которые приведены в "Истории Великой Отечественной войны", в работах П. А. Ротмистрова, взяты из донесений штаба 5 гв. ТА. Однако их объективность сомнительна. В третьем томе, в частности, говорится: "За день боя в районе Прохоровки противник потерял свыше 350 танков, более 10 тыс. солдат и офицеров убитыми"¹¹.

Но 12 июля непосредственно под Прохоровкой, мы уже установили, наступала только усиленная танковая дивизия СС "А1", имевшая в строю на 30 июля 174 танка и штурмовых орудия. Даже предположив, что за неделю боев она не потеряла ни одной бронеединицы и была усилена целым танковым батальоном (100 Т-IV), и батареями тяжелых штурмовых орудий (31 машина), и то на Прохоровском поле могло быть не более 300 танков и штурмовых орудий. Да и кто считал на поле боя эти "10 тыс." убитых? Думаю, комментарий излишен.

О потерях 5-й гвардейской танковой армии мы можем судить по донесению И. В. Сталину представителя Ставки на Воронежском фронте А. М. Васильевского. Достоверность их, видимо, не должна вызывать сомнения, так как вряд ли кто-либо осмелится бы докладывать Верховному сомнительные данные.

Александр Михайлович писал: "В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 40% и 18-й корпус — до 30% танков"¹². В цифрах наличия боеспособных танков это выглядит примерно так: 29-й танковый корпус имел в строю на 13 июля до 50—60, а 18-й — около 100. 5-й гвардейский механизированный корпус потери имел незначительные, точнее данных нет. Всего армия потеряла до 70—180 танков за один день боя. На фоне этих цифр утверждение о потерях противником 350, тем более 400 танков, выглядит явным абсурдом.

Особо следует разобраться с потерями наших стрелковых соединений и частей. В ходе боев 11—12 июля наибольшие потери понесли 95-я и 9-я гвардейские дивизии 5-й гвардейской армии. Первая потеряла 3334 человека, в том числе убитыми почти 1000 и пропавшими без вести 526 человек! 9 гв. влд потеряла 2525, убитыми — 387 и пропавшими без вести — 489! Для сравнения: 2 гв. сд потеряла 1403, из них пропало без вести только 33 человека¹³.

Эти цифры невольно наводят на некоторые размышления.

Во-первых, наибольшие потери понесла 95 гв. сд, которая вынуждена была вести встречный бой с танковой дивизией СС "Мертвая голова" один на один, а еще и без танков непосредственной поддержки пехоты. Там, где пехота воевала вместе с танками, потери были значительно меньше: в 9-й на 800 человек, а в 42-й — почти втрое.

Во-вторых, большое количество пропавших без вести. В 95-й дивизии это в подавляющем большинстве погибшие под гусеницами немецких танков и погребенные в своих окопах и стрелковых ячейках. Конечно, кощунство так го-

ворить, но понятно: сражаться с танками в открытом поле и избежать таких потерь, наверное, невозможно. А почти полтысячи пропавших в 9-й воздушно-десантной? Кто здесь давил наших солдат? Наверное, некоторые погибли под немецкими танками. Но определенная, вероятно, большая, часть на совести танкистов Ротмистрова, и именно 29-го танкового корпуса, так как вместе с ним на одном участке сражалась 9-я гвардейская дивизия. В полосе же 18-го танкового корпуса, где действовала 42 гв. сд, пропавших было несравненно меньше.

Не случайно Павел Алексеевич уверял, что на поле боя никого, кроме его танкистов, не было, так как взаимодействие с пехотой не организовывалось. Ни одного архивного документа, который бы убеждал в обратном, обнаружить не удалось.

А вот документ, подтверждающий безответственное отношение к организации взаимодействия между танками и стрелковыми частями и подразделениями, есть. Н. Ф. Ватутин лично приказал 8 июля командующему 69-й армией выдвинуть на свой правый фланг 2-й танковый корпус генерала А. Ф. Попова. Как это было выполнено, показывает запись в отчете о боевых действиях 183-й стрелковой дивизии. В ее полосе и должен был прибыть этот корпус.

"8.07 43 г.

В 16.00 по дороге со ст. Прохоровка в направлении отг. 241.6 услышали шум моторов. Шли наши танки, развернулись и открыли огонь по нашим б-порядкам, роты ПТР и наш НП понесли потери. Развернувшись, снова двинулись в направлении Васильевки, открыли артиллерийский огонь, подожгли несколько домов, начали косить б-порядки 1 сб и 3 сб. Особенно досталось 3 ср и 4 в 5 ср. танки шли без всякого руководства, кому как вздумается; пытались их остановить, но они продолжали утюжить наши окопы. По радио пытались связаться с танкистами, но им была поставлена задача наступать в р-не Васильевки, где были б-порядки 285 сд.

Это были танки 99 танк. бригады 2-го танк. корпуса. К-р корпуса генерал-майор Попов

От огня своих танков имеются потери.

Убито — 25 чел.

Ранено — 37 чел.

Подавили гусеницами наших бойцов, потеряли 2 танка, которые подорвались на наших минах¹⁴.

В мирное время это классифицировалось бы как уголовное преступление, "на войне — как на войне!", но все равно — произошла трагедия. Вина командиров танков и механиков неоспорима. Однако ответственность в полной мере ложится на командиров частей и их штабы, от батальона до корпуса и армии включительно.

После такого примера можно не удивляться, что почти 500 десантников оказались без вести пропавшими. Пленение как в 95-й, так и в 9-й дивизиях почти однозначно исключалось. Если и были попадания в плен к противнику, то их насчитывались единицы.

Ответственность за нанесение потерь своим войскам, в частности воздушно-десантной дивизии, как результат отсутствия организованного взаимодействия между танковыми корпусами (бригадами) и стрелковыми полками (батальонами), лежит на штабе 5-й гвардейской танковой армии и ее командующем. Не случайно был приведен разговор по Бодо командующего фронтом с командармом, когда Ватутин задал конкретный вопрос: "Увязана ли работа с Жадовым?", на который Ротмистров так и не дал ясного ответа. Этот разговор состоялся значительно позже, но он свидетельствовал о еще имевшихся недостатках в стиле и методах работы командования и штаба 5-й гвардейской танковой армии.

Наконец, еще об одной причине невыполнения армиями задач, поставленных на 12 июля.

Контрудар готовился наспех. Распоряжение на его подготовку поступило 11-го к исходу дня, а в 8.30 12 июля — "В атаку!"

"Вечером я получил приказ командующего фронтом, — писал впоследствии бывший командующий 5 гв. А генерал армии А. С. Жадов, — в котором армии ставилась задача с утра 12 июля нанести контрудар левофланговым 33-м стрелковым корпусом совместно с 5-й гвардейской танковой армией в направлении Большие Маячки".

"На организацию контрудара оставалось всего несколько часов светлого времени и короткая летняя ночь. За это время нужно было многое сделать: принять решение, поставить задачи соединениям, провести необходимую перегруппировку, распределить и расставить армейскую и приданную артиллерию".

"Напомню читателю, что танков мы не имели вообще"¹⁵.

Еще больший объем организаторской работы необходимо было проделать и Ротмистрову со штабом и своими войсками. В свою очередь командиры и штабы бригад должны были эту работу провести вплоть до командиров танковых взводов и рот, сведя их на местности с командирами стрелковых батальонов и рот. На этом уровне должны были быть согласованы порядок прохода танков через боевые порядки пехоты, сигналы и способы взаимного опознавания, порядок связи и радиоданные, задачи и их выполнение по рубежам и времени — все это входит в понятие "взаимодействие". Как это было проделано? В каком объеме? Кто и когда проводил эту важнейшую организаторскую работу? Ни один архивный документ того времени ответа не дал.

Да, наверное, за одну короткую летнюю ночь такой объем работы, притом на местности, выполнить просто невозможно. Поэтому, когда нам говорят, что отсутствие достаточного времени на организацию контрудара явилось причиной невыполнения задач армиями, справедливости ради следует констатировать, что это было следствием А причина — неадекватное решение фронтового руководства.

Только в одном документе есть упоминание о попытке взаимодействовать с танкистами. В кратком очерке о боевом пути группа офицеров армии Жадова писала:

"В полосе 5-й гвардейской армии напосила контрудар 5-я гвардейская танковая армия. Поэтому распоряжением командующего армией от дивизий первого эшелона были выделены представители для встречи танковых бригад и вывода их на исходные рубежи"¹⁶.

И последний принципиальный вывод: контрудар готовился без учета боевых возможностей привлекаемых войск, без должного материально-технического обеспечения, прежде всего боеприпасами. Артиллерийские части усиления и общевойсковой, и танковой армий поступили с половиной положенных боеприпасов, с большим некомплектом личного состава и материальной части, израсходованных и потерянных в предыдущих боях.

16 июля на НИ 5-й гвардейской армии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в беседе с руководящим составом армии и корпусов поинтересовался, как был организован ввод в сражение. "Оставшись со мной наедине, — вспоминал А. С. Жадов, — он выразил недовольство организацией ввода армии в сражение и сделал мне строгое внушение за то, что полностью укомплектованная личным составом, хорошо подготовленная к выполнению боевых задач армия вводилась в сражение без усиления танками, достаточным количеством артиллерии и крайне слабо обеспеченная боеприпасами". В заключение Георгий Константинович сказал: "Если по каким-либо причинам **штаб фронта не сумел своевременно обеспечить армию всем необходимым**, то Вы должны были настойчиво просить об этом командующего фронтом или в крайнем случае обратиться в Ставку"¹⁷.

Подводя итог всему выше изложенному, мы имеем все основания констатировать, что Воронежский фронт имел реальную возможность более успешно провести оборонительную операцию и завершить ее полным разгромом ударной группировки противника севернее Белгорода. Это создало бы условия для перерастания контрудара в контрнаступление, по примеру Центрального фронта. Однако "возможное" не превратилось в "реальное" прежде всего по субъективному фактору.

И все же, несмотря на субъективные причины, на неиспользованные возможности как потенциальные, так и реальные. Прохоровское сражение стало

догем Курской битвы — пределом немецкого летнего наступления и началом всеобщего советского. Под Прохоровкой стратегическая инициатива окончательно и бесповоротно перешла к Красной Армии.

"Битва под Курском началась наступлением немцев на Курск с севера и с юга. Это была последняя попытка немцев, — говорил И. В. Сталин в докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6.11.1943 года, — осуществить большое летнее наступление и в случае ее успеха нанерстать потерянное. Наступление окончилось, как известно, провалом. Красная Армия не только отбила наступление немцев, но и сама перешла в наступление и рядом последовательных ударов в течение летнего периода отбросила немецко-фашистские войска за Днепр"¹⁸.

Только объединенными усилиями всех сил и средств достигнута эта важнейшая историческая победа над сильным, хорошо вооруженным и опытным противником. И нет никакой необходимости, а тем более каких-либо оснований преувеличивать заслуги одних и преуменьшать или замалчивать роль других участников Прохоровского сражения. Все, кто был в горниле этих ожесточенных боев, внесли свой больший или меньший вклад в решение главной задачи на данном этапе оборонительной операции Воронежского фронта — отражение удара отборных танковых дивизий СС и нанесение им поражения, к сожалению, не завершившегося их полным разгромом.

¹⁶Курская битва Воронеж, 1982. С. 64

¹⁷Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 54.

¹⁸Жуков Г. К. Разгром фашистских войск на Курской дуге. Курская битва. Сб. М., 1970. С. 187.

¹⁹Ротмистров П. А. // Курская битва. М., 1970. С. 187.

²⁰Ротмистров П. А. Стальная гвардия. С. 180.

²¹Жуков Г. К. Указ. соч. С. 97.

²²Битва под Курском. М., 1946. С. 196.

²³Там же.

²⁴История Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 272.

²⁵Жадов А. С. Указ. соч. С. 95.

²⁶История Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 274.

²⁷Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 321.

²⁸ЦАМО. Ф. 328, оп. 4852, д. 100. Л. 55.

²⁹Там же. Ф. 183, ед. 1943, оп. 46981, д. 8. Л. 132.

³⁰Жадов А. С. Указ. соч. С. 91.

³¹От Волги до Эльбы и Праги. С. 61.

³²Жадов А. С. Четыре года войны. М., 1978. С. 97.

³³Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 101.